

*Конструирование «нормальностей» в условиях глобализации:
к проблеме описания телесного материнства*

Юлия Градскова

Заявление темы «материнства» в сочетании с «нормальностью» может быть оценено как вызов. Достаточно упомянуть хотя бы некоторые из широко употребляемых пословиц и поговорок¹, вспомнить восторженные описания материнства, данные в канонизированных произведениях мировой классической литературы (например, В. Гюго или Л. Толстым), визуализировать образ мадонны с младенцем, чтобы утвердиться в мысли, что слова «мать» и «материнство» не просто имеют положительную коннотацию в различных странах и культурах, но даже могут выступать в качестве метафоры «добра». В одних случаях, это «добро материнства» рассматривается как один из определяющих показателей женской инаковости², а в других – означает заботу, функцию которой в патриархальном обществе выполняет женщина³. Интерпретация материнства как «добра» как бы делает излишним анализ феномена материнства во всей его сложности и многообразии.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что во всех упомянутых контекстах, несмотря на их временные, пространственные и жанровые различия, понятия «мать» и «материнство» рассматриваются в качестве «другого» – объекта для восхваления, восхищения, благодарности, умиления. Попытавшись выразить положительные означаемые «материнства» от первого лица («Я»), мы немедленно сталкиваемся с дискурсивными ограничениями, маркированием таких фраз как избыточных или бессмысленных (попробуйте, например, преобразовать: «..кого – подбодрит, а кого – поправит. Совесть людская. Мама моя»⁴). Логика построения привычного нарратива имплицитно предполагает молчание «матери» и, соответственно, отрицает саму возможность говорения о «своем материнском теле».

Известно, что в различные периоды времени, в разных странах и регионах, для представительниц различных социальных групп господствующая гендерная идеология особо обращала внимание на те или иные причины общественной значимости (или ситуации незначительности) материнства, в частности, наслаждения состояниями беременности и материнства или ужаса перед ними. Материнство, беременность, роды во многих культурах являются источником проективных идентификаций и влияют на создание «нормы» как важного компонента идентичности. Однако, несмотря на все различия, значимость

понятия «материнства» во все времена и во всех культурных пространствах сочеталась с отсутствием внимания к опыту отдельных, единичных женщин, «их» уникальных тел.

Современное понимание «материнства» связано с глобальным распространением медицинского дискурса, репрезентирующего беременность и роды как процесс исключительно психофизиологический и, следовательно, вполне поддающийся математическому измерению «нормы» и «девиации». Начиная уже с XIX века можно говорить о формировании общего (сначала для Западной Европы и Северной Америки, а затем и самых отдаленных от них географически точек земного шара) языка описания материнства. Новый язык постепенно вытеснял многие понятия и представления, объявляя их предрассудками и заменяя на «научно-обоснованные» и «прогрессивные» термины. Примеры этого нового дискурса повсеместно встречаются в словарях и энциклопедиях: «Беременность – физиологический процесс в организме женщины и самок живородящих животных, связанный с оплодотворением и развитием плодового яйца. У женщин продолжается в среднем 280 суток»⁵.

Медицинский и психологический дискурс разворачивается в рамках дихотомии нормального/аномального, в то время как объектом его внимания все больше оказывается не столько мать, сколько результат процесса – ребенок (плод). Всем знакомы такие выражения, как, например, «длительный недостаток кислорода не безразличен для нервной системы плода», или «женщина на пороге материнства оказывается неосведомленной об элементарных особенностях развития ребенка и своих функциях в уходе за ним»⁶ и т.п. Наиболее законченное выражение идея «нормального материнства» приобрела в психоаналитической концепции «нормально преданной матери»⁷.

Описание физиологических и психологических процессов в истории все больше насыщалось характеристиками технологического описания «производства», выносилось за рамки личности и чувств конкретной женщины. В то же время создание единого языка описания «нормального материнства» постепенно вытесняло локальные и культурно-специфические способы описания женской телесности, одновременно трансформируя индивидуальные и частные переживания и ощущения, делая их пригодными для публичного контроля.

Россия в этом контексте вовсе не является исключением. Как считает антрополог Т. Щепанская, «культура препятствует озвучиванию женской телесности»⁸. О состоянии беременности и начале материнства в России принято говорить почти исключительно в частных беседах – либо с супругом (в тех счастливых случаях, когда он способен это слушать), либо полупрошепотом в женской компании, нередко с расслабляющей помощью вина. Если разговор о материнстве переносится в публичную сферу, то он немедленно переводится на язык медицинского диагноза, трудового соглашения или патриотической патетики.

Поэтому данная статья имеет двоякую цель. С одной стороны, это попытка озвучивания телесности конкретных женщин-матерей, с другой – возможность исследования влияния глобального дискурса «нормального материнства» на способы описания опыта отдельных женщин.

В основу статьи положены полуструктурированные интервью с женщинами, получившими университетское образование, представительницами 4 континентов (6 стран) и, по меньшей мере, 4 различных конфессий. Я хочу выразить благодарность за возможность проведения этого исследования организаторам Международного Женского Университета в Ганновере (лето 2000 г.), декану программы «Тело», профессору Барбаре Дуден и всем слушательницам университета, согласившимся уделить мне время для разговора и поделившимися со мной своими мыслями и переживаниями.

Так как я не стремилась к описанию культурно-специфического опыта, я посчитала возможным не указывать в каждом конкретном случае точное название стран, откуда были интервьюируемые, а представить эти заметки в виде некоторого ребуса.

Какие стереотипы, свидетельствующие о возможности отнесения данного текста к той или иной культуре, придут нам в голову при начале чтения каждого отрывка? Сохранятся ли они в конце? Может ли каждый из этих отрывков быть отнесен к нескольким культурам? Можем ли мы предположить, что пусть не все, но некоторые мысли, сомнения, радости и опасения могут принадлежать женщине, сидящей напротив нас в метро? Одной из близких подруг? Всегда ли сходства в описаниях определяются особенностями женской физиологии?

Стремясь соблюсти конфиденциальность и в то же время не ограничиться описанием лишь «частных переживаний», «интимного», я заменила имена информанток обозначениями их профессий, узнаваемыми глобальными «публичными» маркерами. Всегда ли мы помним, что у матери, везущей в коляске ребенка, есть и эта сторона идентичности?

Самой большой трудностью при обработке интервью и, видимо, самым крупным недостатком этого исследования в целом является языковая выразительность. Все беседы происходили на английском языке, который являлся родным лишь для одной из интервьюируемых. При фактически «двойном» переводе неизбежны были многочисленные потери особенностей «говорения» о материнстве. С другой стороны, именно использование английского языка (еще один признак глобализации!) создало условия для самой возможности сведения вместе «опытов» представительниц столь различных культур.

Женщины, согласившиеся дать мне интервью, по-разному говорят о своем состоянии телесной связи с ребенком, по-своему «вписывают» в свою жизнь состояние беременности и опыт родов. Можно сказать, что они по-разному «конструируют» свое материнство, в каждом случае частично опровергая и

частично поддерживая те или иные «проверенные» и «объективные» медицинские, психологические, педагогические и антропологические теории. Как собранные вместе разрозненные части головоломки публикуемые ниже рассказы, как мне кажется, позволяют по-новому взглянуть на проблему материнства.

Антрополог № 1

Для прошлого поколения все было по-другому – сексуальные отношения для женщин были очень ограничены. Мораль изменилась в 1960 – 70-е гг. Я думаю, что, может быть, это не очень хорошо, что в моей стране сексуальность в основном рассматривается как «удовольствие». Потому что сейчас беременность видится как некоторая нежелательная опасность. Вы все время чувствуете давление общества, которое как бы заставляет вас иметь сексуальные отношения как можно раньше. При этом обычно как-то опускается, что сексом занимаются и для того, чтобы иметь детей.

Раньше я думала, что буду иметь ребенка тогда, когда найду подходящего мужчину. У меня был друг (*boyfriend*), он был хороший человек, он был хиппи, но пил и курил. Он не был готов к тому, чтобы иметь ребенка, хотя он и говорил о ребенке. Через некоторое время мы с ним расстались.

Еще через несколько лет мне пришлось сделать аборт. Я забеременела из-за того, что противозачаточное средство не сработало. В тот момент я не хотела иметь ребенка одна. Я хотела, чтобы все обязанности были разделены поровну – я имею в виду время, эмоциональную поддержку. В (*название страны*) отец обязан поддерживать своего ребенка деньгами по закону. Но я хотела также, чтобы все было разделено поровну: 50 на 50.

(*Я знала к моменту интервью, что информантка живет с мужем, ей 28 лет, ее ребенку 1 год.*) Моя беременность была легкой. Я была уверена, что роды будут нормальными. Вот после того аборта я действительно боялась, что могу не выздороветь. Но тот мой партнер помог мне, он приходил ко мне каждый день. Однако вскоре после этого мы расстались. Поэтому (*когда я была беременна*) самый мой большой страх был: смогу ли я быть хорошей матерью? Это были в большей мере социальные страхи, чем телесные.

Свою беременность я ощущала как чудо. Это было чудом, что что-то росло внутри меня, я смотрела на то, как она (*моя дочь*) движется внутри меня. Часто я рисовала картинки моего тела, когда смотрела, как оно увеличивается. Я думаю, что это очень важно, что я смогла принять мою дочь внутри меня.

Я рожала ребенка в родильном доме (*в отличие от России, в данном случае роддом – это учреждение, альтернативное больнице*), акушерка, мой муж и моя подруга помогали мне. Я хотела иметь нормальные роды и кормить грудью. Мама не кормила меня и брата грудью. В то время в (*название страны*) никто не кормил детей грудью, так как врачи не рекомендовали этого делать. В то

время необходимо было рожать ребенка обязательно в больнице и в течение первой недели детей приносили матерям только на один час. Я хотела родить ребенка в роддоме, поэтому я пошла туда и выбрала акушерку. Каждый раз, когда я приходила туда для контроля, я встречалась с этой акушеркой. Поэтому ко времени родов я хорошо ее знала. Там была очень хорошая атмосфера. И моя подруга тоже приехала из (*название другой страны*) специально, чтобы помочь мне, и это было очень важно.

Что бы произошло, если бы я не стала матерью? Я думаю, что я бы путешествовала, я бы поехала куда-нибудь и занималась там полевой работой. Но мне было бы очень скучно. Я могу сказать, что моя дочь является предложением для того, чтобы я могла делать то, что мне нравится. Я люблю сидеть и разговаривать с людьми – вот так, как сейчас. Мне нравится разговаривать с другими матерями. Жизнь движется медленнее, мне это нравится.

Социолог

Я родом из такой культуры, где у вас всегда много родственников и родственные отношения очень значимы. У вас есть, например, мама, папа, дядя со стороны матери, дядя со стороны отца и т.д. Фактически (*в том, что касается беременности*) тетя, сестра отца, учит вас всему. Когда приходит время, вы узнаете, что необходимо содержать себя в чистоте, следить за собой, быть ответственной. Когда вы еще немного подрастаете, то предполагается, что вы становитесь женщиной. Ваша мать тоже может рассказать вам об этом, но обычно это тетя со стороны отца, сестра отца. Она говорит вам о преимуществах вашего положения как женщины и объясняет, что если вы не следите за собой, то легко можно оказаться беременной. Она посвящает вас также в то, что ваше тело – это храм, хороший храм для детей. Это происходит тогда, когда вам 12–13 лет.

Предполагается, что мать следит за всем, что происходит с вами. Поэтому, когда она видит, что пора, она немедленно посылает вас в дом к тете. Мы в школе шутили так, спрашивали друг у друга: «Ну, как, ты уже брала уроки у своей тети?»

Пока вы не забеременели, вам обычно ничего не рассказывают о родах. И действительно, зачем вам это знать, если вы не беременны? Эти темы никогда не обсуждаются с ребенком, или девушкой, или подростком. Это не нужно, я не думаю, что это необходимо знать. Если какая-то девушка окажется беременной, тетя должна ввести ее в материнство, это тоже делает тетя со стороны отца. Но это как бесчестье, если вы забеременеете до замужества. Это плохо расценивается окружающими. Поэтому, если это произойдет, то мать отведет вас в дом тети. Потому что предполагается, что тетя отвечает за вас. Вы опозорили свою семью, поэтому вы живете вне дома, дома у тети, она вас «скрывает». Но, предполагается, что тетя должна заботиться о вас и привести вас к материнству.

Она присматривает за вами. Конечно, если буквально переводить с английского, то ее дети – наши двоюродные братья и сестры, но в нашем понимании, у нас есть просто братья и сестры. Вы и дети вашей тети являетесь просто братьями и сестрами.

В любом случае, тетя играет очень важную роль: она смотрит за вами, потому что вы ее дочь. Но она играет и другую важную роль – она знает травы, традиционную медицину. Она дает разные смеси трав на определенных стадиях беременности. Поэтому, когда наступает момент родов, вам уже не надо столько усилий, чтобы вытолкнуть ребенка. Она смешивает травы с пищей. Если есть опасность выкидыша, она может дать другую, специальную траву. Поэтому, обычно, когда наступает момент родов, они уже не такие болезненные, если только ребенок не занимает неправильное положение. Но, обычно, они помогают.

Я была замужем, поэтому мне не надо было идти в дом моей тети, но она приходила ко мне. Она также проверяла ребенка (*как развивается плод*).

Может быть, потому, что я забеременела, когда была уже старше, мне было 30 – 31, я уже знала, что будет происходить. Я не боялась. У меня уже не было этого стресса из-за того, что будет происходить. Т.е. вы уже как бы подготовлены к этому. Вы можете сами заботиться о себе. В нашем обществе люди, которые переживают фрустрацию, это обычно те люди, которые недостаточно обеспечены. Недостаточно обеспечены экономически. Когда молодая девушка оказывается беременной и у нее нет средств для себя, она, конечно, не в состоянии смотреть за ребенком.

Моя беременность не была запланированной. Мне надо было учиться. Я хотела выйти замуж по всем правилам, но мне не удалось. Я оказалась беременной через 2 недели после того, как вернулась домой после нескольких лет обучения в (*страна другого континента*). Я не планировала беременность, но я уже была вместе с моим будущим мужем. Это был сюрприз, но радостный сюрприз. Обычно, вы не можете выйти замуж до того, как вы достигнете экономической независимости. Традиционно было так, что отец должен был обеспечивать семью, но сейчас обстоятельства изменились. Сейчас отец уже не может заработать так много денег. Поэтому у двоих есть возможность работать.

За три года у меня родилось трое детей. Это был такой экономический стресс! Я работала до последнего дня. Мои роды были быстрыми благодаря травам. Я была в больнице 2 дня. Во второй раз мне сделали операцию. В этот раз были проблемы, так как были близнецы.

После родов я была дома. У меня были каникулы, поэтому я была дома. Мой дом хорошо оборудован: у меня есть компьютер, все, что нужно. Когда они (*дети*) спят, я работаю. Но это нелегко – иметь трех детей, очень нелегко. Кроме того, дома я должна помогать моему мужу – я отвечаю на письма, веду машину, когда он едет на работу. Но ведь он мне не платит.

Я думала, что я не буду иметь детей, если я не смогу их содержать. Потому что это так больно, если у вас есть ребенок, и вы не можете его обеспечить. Я уже сказала, что я не закончила свою карьеру, когда забеременела (*информантка окончила университет, но еще не получила степень*), я имею в виду, что у меня не было постоянного места работы. Сейчас я уже устроена в академической среде. Я стараюсь там закрепиться.

Я не могу себе представить, что было бы, если бы детей у меня не было. .. Я была бы,.. я не знаю, более счастливой? Потому, что я не должна была бы беспокоиться о присмотре за детьми... Сейчас у меня есть две помощницы, они живут в моем доме и смотрят за детьми, они мои друзья... Потому что я жертвую им (*детям*) очень много. Все время я думаю о том, как заработать денег. Вы забываете про себя. Я должна была заплатить много денег за больницу, и за близнецов я должна была заплатить еще больше. И я должна была купить две кровати, два одеяла. Это непросто. Я очень счастливый человек, потому что я должна была купить только одно одеяло. Моя сестра мне очень сильно помогла. Она купила еще стерилизатор. Это очень важно, потому что вода не чистая, она не очень хорошо очищена, поэтому мы должны кипятить воду.

Антрополог № 2

Я люблю малышей. После того, как я вышла замуж, я хотела иметь своего. Я не знаю, почему. Они хорошие, но растить их очень трудно. Я видела, как другие люди растят детей. Я любила малышей, я хотела иметь своего малыша, о котором я буду заботиться.

У меня было два брата и сестра. Когда мне было 8 лет, у меня родился брат. Но это сильно отличается от того, когда у тебя свой собственный ребенок. Я могла держать его (брата), когда моя мама уходила или иногда я помогала маме с ним, но это совсем по-другому. Я только помогала ей. Свой опыт – это совсем другое дело. Много людей беременеют, и они могут делать все. Вот и я во время первой беременности думала, что смогу все делать.

Я не хотела иметь детей сразу после того, как мы поженились. У нас было много проблем. Я жила в другом городе. Мой муж тоже преподаватель, он закончил тот же факультет, что и я. Но мне не удалось получить работу в том же университете, что и он. Поэтому мы жили раздельно в течение 3-х лет. Мы все время ездили друг к другу.

Затем мне очень повезло, и я получила работу в том же университете, что и он и мы захотели иметь ребенка. И после того, как я вернулась (*в этот город*), я забеременела. Это не было запланировано. Но я очень хотела иметь ребенка и не была готова выбросить его (*имеется в виду аборт*). Мы решили иметь его. Но ребенок родился недоношенным, он не прожил и 4-х дней. Потом уже я решила иметь еще одного...

Перед моей первой беременностью я знала, что женщины страдают во время беременности, что-то вроде того. Но во время первой беременности я увидела свое тело и сразу поняла, что я беременна. Это было ужасно. Я ничего не могла есть. Меня все время рвало первые три месяца. Я ничего не могла есть и удивлялась: неужели это тот рис, который я ела каждый день? Как я могла это делать?

Когда я была беременна, я каждый месяц ходила к врачу для проверки. Я могла выбрать врача, до этого долгое время это было невозможно, вы просто приходили в клинику, и вас обслуживал любой врач, который был на дежурстве. Я из среднего класса, поэтому у меня есть много возможностей. Но после того, как мой ребенок умер, я не хотела ее больше (*врача*). Я думаю, что каким-то образом она ответственна за то, что ребенок не выжил. Так, вторым врачом стала сестра моего мужа.

В течение моей беременности я принимала витамины и кальций. Во время родов мне сделали анестезию, но местную, в позвоночник. Начиная со второго месяца, они давали мне дополнительное лекарство. Но мой второй ребенок тоже недоношенный, так что я опять должна была быть оперирована. Они не могли найти вену, это было трудно, так как в моем теле было много воды. Они сделали мне общую анестезию.

В течение моей беременности у меня было высокое давление. Я пришла для очередного контроля, и врач обнаружил, что у меня повышенное давление. Тогда врач сказал, что я не могу работать. А я ведь тогда много работала. Я преподавала, я делала так много вещей и также я была так занята в своей профессии. Я не хотела отдыхать, я думала, что все естественно. Я видала так много людей, которые это делают. После 8 месяцев у меня распухли ноги. У меня было много проблем. Каждый раз врач говорила мне, что я должна отдыхать. После 30-й недели врач сказала мне, что я не должна ходить на работу.

Самое приятное воспоминание о моей беременности это то, что все обо мне заботились, включая моего мужа. Я наслаждалась этим. Эта забота была намного больше, чем до беременности.

Неприятные вещи связаны с тем, что я надеялась, что мой муж будет больше понимать меня, мое тело, то, что со мной происходит. Я не знала, какова будет моя беременность, каков будет результат. Я думала, что мое тело перестало быть таким, каким я его знала раньше. Все поменялось. Я чувствовала, что мои пальцы – не мои. И мое лицо – не мое. Все (*тело*) как будто чужое. Я не была знакома с этим раньше. Я не знала, будет ли мое тело, как прежде или останется таким.

Первые три месяца я была очень расстроена тем, что мой муж это не понял, что это значит – быть беременной. Потом я разозлилась. Врач сказал, что я должна соблюдать интервалы питания. Меня все время рвало, а он (*муж*) повторял, что я не ем столько, сколько нужно, и поэтому меня рвет. Он думал,

что я могу сама управлять всем этим. Но я больше не могла регулировать мое тело. До этого я как-то знала, что мне надо есть и что мне надо делать. Но, когда я была беременна, я была уже не я. В последнюю беременность, я думаю, мой муж пытался меня понять, но его первая реакция, я думаю, была плохой для меня. Во время второй беременности все было лучше, но это (*непонимание мужем*) верно также и для второй беременности. Я думаю, что он должен был больше реагировать и больше понимать меня. Он совсем ничего не знал о беременности. Как Вы думаете, могут люди себе что-то просто вообразить и знать таким образом?

Если бы у меня не было детей, у меня было бы больше времени. Я была бы более независимой. Я могла бы заниматься дополнительной работой. Я активистка в феминистской группе. Вообще в нашей стране распространено мнение, что женщина должна иметь детей, в деревне она даже не может дотрагиваться до некоторых вещей, если у нее нет детей. Но для таких людей, как я все это незначимо. Но многие люди считают меня совсем сумасшедшей из-за того, что я приехала так далеко с 4-х месячным ребенком.

Художница

У меня есть одна дочка, и я не хотела бы иметь еще одного (*ребенка*). Я не помню, чтобы моя мама рассказывала мне что-то о родах. Может быть, о периоде... Я помню, как я говорила своей маме: «У меня будет 10 детей!» – так, как и все другие дети говорили. И моя мама говорила: «Конечно, у тебя будет много детей!» Это как раз то, что люди из богатых стран часто не могут понять: люди из третьего мира просто любят детей, потому что это здорово – иметь много детей!

Но моя мама никогда не описывала в деталях, что происходит в процессе родов. Я прочитала об этом в книге, когда мне было около 10 лет. Я была такой стеснительной. Я не хотела ничего слышать о женском теле. Я бы убежала (*если бы кто-то стал мне рассказывать об этом*), мне было бы слишком стыдно. Но я читала много и, в общем-то, составила себе точное представление об этом.

Когда вы становитесь подростком, то обычно всем нравится иметь своего парня (*boyfriend*) и прихорашиваться. Но мне это не нравилось. Я не хотела, чтобы моя грудь росла, чтобы я выросла и у меня появилась менструация, и я бы стала матерью. В основном я только читала, а потом я уже проживала все это.

Я не думала о том, чтобы иметь ребенка. Сейчас, когда моей дочери уже почти три года, я знаю, я, наконец, могу принять ее. Что это моя плоть и кровь. Но в течение моей беременности это было ужасно, я не хотела ее. Я не хотела иметь ребенка, я просто не могла обеспечивать кого-то, кто настолько беспомощен. Это как обязательство. Я не люблю, когда кто-нибудь висит на моей шее. Только вообразить себе: такое слабое существо, которое во всем будет

зависеть от меня. Я не могла себе это представить. Это было ужасно, когда она родилась.

Самое лучшее, что я ожидала – это, что если ребенок родится, то это будет мальчик. Я была так уверена, что у меня будет сын, я хотела сына. Я приготовила мою жизнь вокруг того, что это будет сын. Родить девочку – стало для меня страшным шоком. Мои роды были долгими – 23 часа, я не слышала, когда мне сказали: «Поздравляем, (*имя информантки*), у вас – дочка!». Я была так счастлива закончить свою беременность! Я думала: теперь я смогу снова надеть свои джинсы, вот об этом я думала. И я приняла душ. Я надела на себя красивое чистое платье и вернулась туда, где я рожала, в ту комнату и там было одеяло рядом с моей кроватью. Я застеснялась. И я открыла одеяло, чтобы посмотреть, что там – серое, страшненькое, маленькое существо. Я посмотрела вниз и... это был шок – я увидела «раковину каури». И я так расстроилась! Но моя мама была в восторге от нее. Потому что она очень хотела девочку, чтобы одевать ее, покупать ей маленькие платица. А я просто впала в депрессию, это было ужасно.

Во время моей беременности я так боялась, что я не буду знать, что делать. Я прочитала все, что можно прочитать о материнстве в книгах, но... когда все это здесь... Я тоже думала о моей учебе, это был мой последний год в университете, о том, что я смогу делать и как я смогу содержать ее. Я хочу для нее очень хорошее образование.

Медицинское обслуживание не было дорогим, наша система здравоохранения очень хорошая. Можно выбрать врача, но в момент такой боли уже безразлично, кто это. Я не хотела, чтобы мои родители платили за все, я была очень независимой. Я помню, что я кричала, так как не могла выдержать боль. Тогда врачи дали обезболивающее, они дали мне, потому, что я попросила. Но я помню, что я ходила вокруг всех и помогала другим женщинам. Я гладила ее (*другой женщины*) руку, помогала ей. Потому что моя боль в это время, похоже, не работала. Так, я забыла о моей боли, они чувствовали себя лучше.

Я хотела, чтобы мой муж был вместе со мной, но мы были почти детьми (*информантке было в тот момент 20 – 21 год*). Мы не знали о том, что у нас был такой выбор – чтобы он был со мной. Он мог быть рядом во время родов, но я узнала об этом позже. Но у меня на стене висела его фотография. Я уверена, что это помогло бы ему понять (*если бы он участвовал в этом*). Это одно, когда ты знаешь, что твоя жена рожает, но быть там, я уверена, – это изменило бы очень многое. Отношение ко мне. У нас отличные отношения. Мой отец также присутствовал при рождении всех 6-ти детей. Мы все были рождены в частной клинике, но когда мой маленький брат родился, мой отец был пьян, поэтому он родился в государственной больнице. Мой отец обожал мать.

В моей беременности была одна очень хорошая вещь. Это то, что мой муж все для меня делал. Он смазывал мой живот кокосовым маслом, он

разговаривал с моим животом, потому что я совсем «отрезала» себя эмоционально от ребенка. Он любил меня, мы занимались сексом до того самого дня, когда моя дочь родилась. Я была очень активной во время беременности. Я была дома, но я рисовала и гуляла, проходила каждый день две мили.

Мой муж в течение 4-х месяцев после родов не мог (*в соответствии с традицией*) приближаться ко мне. Я провела 4 месяца без физического контакта со своим мужем. Я была в доме матери, а он жил в университете (*в общежитии*). Моя семья, они кормили меня, делали все, никому не позволяли трогать мою дочь. У нас на некоторых островах сохранилась матриархальная традиция, женщина после родов переходит в дом своей матери. Я родила в 11, они принесли мне столько еды – рыбу, пирожные, горячий шоколад, что я не могла съесть все это одна. Я дала это другим матерям. В доме моих родителей я должна была делать только одну вещь – кормить мою дочь и стирать пеленки. Мои груди были так переполнены молоком, она не могла все его выпить и мне было больно.

Если бы у меня не было дочери? Я могла бы путешествовать, я написала бы диссертацию. Но ты знаешь одну вещь, ты представляешь, что это значит, приехать сюда с ребенком? Достигнуть так много, имея ребенка? Люди обычно думают, что если у тебя есть ребенок, то уже все. Для моей страны я достигла очень многого. Я так полна благодарности сейчас: я замужем, у меня есть ребенок и есть собственная карьера!

Психолог

Я не могу вспомнить, когда я захотела стать матерью. Для меня это никогда не было вопросом, что я стану матерью. Я думала о моей матери и как она все это организовала – потому что отношения между мной и матерью были очень осложненными, трудными. Поэтому я думала, что когда я буду матерью, я буду все делать по-другому.

Я помню, что я хотела знать, откуда берутся дети. Тогда моя мать дала мне книгу. Там были пчелы, и цветы, и мужчина, и женщина. Они стояли рядом друг с другом, и казалось, что между ними нет вообще никаких отношений. На следующей странице у женщины был большой живот, на следующей – женщина лежала на спине, доктор и потом – ой! – ребенок. Ну... Правда, это было ужасно абстрактно. Это не давало мне нужной информации. Это было, я думаю, когда мне было лет 6.

Затем, позже, я думаю, когда у меня было первое кровотечение, моя старшая сестра дала мне книгу, изданную в 1970-е гг. «Наши тела и мы сами». Это была книга о фертильности и о различных методах контрацепции. Это было также о сексе, об удовольствии, о любви. Это была американская книга, она происходила из движения 1970-х гг. В то время мне было 14 – 16 лет. В то время я совсем не хотела забеременеть. Я не хотела иметь ребенка до того, как сама стану взрослой.

Когда мне исполнилось 21, я думаю, что эта мысль уже была во мне. Это было чувство.

Быть матерью – для меня это значило быть тем, кто сильно верит в своих детей, но не давит на них. Я хотела видеть, как они растут. Прежде всего, ребенок – это человек, сам для себя. Не продукт, который я делаю или что-нибудь вроде этого. Я – мать и моя задача – поддерживать детей наилучшим образом, так, чтобы они всегда мне доверяли. Потому что мой собственный опыт был совершенно противоположным – в отношениях с моей матерью не было доверия. Ребенок – это маленький человек, но человек сам (*for his own*). Это было для меня очень важным.

Я была очень расслаблена в течение моей беременности, у меня не было страхов вроде того, что мне нельзя нюхать тот или иной запах, или есть те или иные фрукты. Я не беспокоилась об этом. Я не боялась родов, меня это очень возбуждало, когда настал этот момент. Это действительно было хорошее возбуждение.

У меня никогда не было страхов относительно моей беременности, о том, что происходит с моим телом. И о родах, ничего. И я ничего не читала об этом. Только две книги. Одна было о дыхании, а другая была философская, там было о медитации, но не о техниках (*родов*). Кое-что для релаксации ума.

Мои роды были абсолютно немедицинские, потому что я была дома. Я не осознала этого, у меня был сон, что что-то у меня в спине. Утром это началось еще раз. Кто-то сказал мне до этого, что мой ребенок родится через две недели, но это ничего не значило.

У меня был врач, антропософ. Он получил очень традиционную медицинскую подготовку, но больше не практиковал. Мы были только с этим доктором и акушеркой. Он как врач поддерживает акушерок, так как иногда для акушерки очень трудно (*работать и получать зарплату*) по страховке. Они работают вместе, но большая часть работы – в руках акушерки. Он там присутствует только на случай, если что-то произойдет, что-то идет неправильно. Когда акушерка пришла, это был вечер. Она сделала необходимый осмотр и сказала: «следующий раз ты тужься». «Что?» «Я должна тужиться?» «Роды уже подходят к концу?» Все время я была очень расслаблена, дома. Во время родов были только акушерка, мой друг (*boyfriend*) и я. Через час маленький мальчик был уже с нами. Это (*роды*) было негигиеничными, нестерильными, без лекарств. После у меня был маленький разрыв на одной из половых губ, врач пришел, он опоздал, хотя для меня он не опоздал, все было в порядке. Он осмотрел меня. Потом он зашил мне этот разрыв, в этом случае уже с анестезией. Но сначала была только я и акушерка, и я поднесла ребенка к груди и это было очень хорошо. Прекрасная атмосфера. Она (*акушерка*) была там еще два часа, но она только смотрела, потому что иногда, позже, может начаться кровотечение.

А потом я была одна с моим мальчиком и моими друзьями. Они пришли посмотреть на ребенка, это было очень приятно. Я сидела там как королева.

Я не думаю, что дети – это главная причина, по которой женщины живут на земле. Но, для меня, у меня такой хороший опыт с детьми (*у информантки двое детей, она долгое время после рождения первого ребенка была одинокой матерью*), они изменили мою жизнь! Я не говорю, что у меня нет проблем, но они – часть моей жизни.

Дети и карьера? Я думаю – это можно совместить. Но только если есть мужчина, муж или партнер, который поддерживает тебя – присмотр за детьми и т.д. Если нет мужа или партнера, то нужна бабушка или, может быть, дедушка, чтобы поддерживать тебя, когда ты продолжаешь карьеру. Но я думаю, что в этом случае никогда не удастся добиться всего, никогда нельзя попасть на самый верх. Для меня, я думаю, все это медленнее, я имею в виду учебу. Я начала учиться, когда моему мальчику исполнилось 5 лет. До этого я тоже пыталась чему-то учиться, но это было трудно с ребенком и без мужа. Поэтому сейчас я должна учиться еще много лет до того, как я смогу работать по своей профессии.

Историк

Как я узнала о том, что женщины рожают детей? Я всегда видела беременных женщин на улицах. Это не секрет. Я о сексе не думала очень много, вы знаете, что добрачный секс осуждается. Обычно о сексе говорят в отношении женатой пары. Кто-то женится, и ты уже знаешь, что теперь они готовы иметь детей. Я не интересовалась этим (*беременность, рождение детей*), потому что я очень много думала о карьере. После того, как я получила магистерскую степень, я прочитала книгу, она называлась «Наши тела и мы сами». Она была о беременности, о родах, о том, как это должно быть нормально и правильно с точки зрения здоровья. Это была очень подробная книга, та книга, которую я получила.

(*Рассказывала ли Вам Ваша мама что-то о родах?*) Моя мама тоже считала, что сначала я должна заниматься карьерой. Когда я сделала карьеру (*получила образование*), то я смогла найти информацию о родах. Потом я подумала о ребенке. Я уехала в (*страна другого континента*) на два года, я подбирала там материал для моей диссертации. После того, как я вернулась домой, я подумала: отлично, теперь я буду сидеть дома, писать и заведу ребенка. То есть это было зрелое решение. Все было запланировано. Но это было, когда мне было около 30 лет.

Потом у меня появился ребенок. Я хотела иметь хорошие отношения с моими детьми, и я думаю, что это очень важно, чтобы они делали то, что им нравится. Я хотела дать им ту свободу, которая есть у меня. (*До того, как я забеременела*) Я боялась, потому что врач часто рекомендует делать кесарево. Я

пошла к врачу в начале беременности, и он сказал, что этого (*кесарева сечения*) не должно быть. Он сказал: «У Вас будут нормальные роды». И оба раза у меня были нормальные роды. Только во второй раз после родов у меня началось кровотечение, и меня немедленно отправили на лечение. Я потеряла много крови. Но все эти осложнения были уже после самого появления ребенка на свет.

В течение моей беременности я могла некоторое время работать, но потом, вы знаете, у меня отекли ноги. Тогда врач рекомендовал мне покой. Тогда я была дома и отдыхала. Это были два последние месяца, я думаю. Я могла выбирать все. Я выбрала моего врача, он был знакомый моей семье. Я выбрала больницу, она была очень хорошей. Это была частная клиника, я заплатила за нее много денег. И весь персонал больницы был очень хороший. Во второй раз я должна была платить даже больше, чем в первый. Я думала: второй ребенок, больше заплачу, будет больше комфорта. Я была очень осторожна. Государственные больницы у нас плохие. Я думала, что само лечение в частной больнице лучше. Я обычно приходила туда для регулярных проверок, каждые две недели.

Во время родов обычно не позволяют входить в палату (*родственникам*). Но можно стоять в дверях и слышать процесс родов. Они все были рядом – мой муж, мои свекор со свекровью и моя мать. Сразу же после родов они могли подойти ко мне. Потом я была там еще два дня. Во время родов не применялась никакая анестезия, мои роды были совсем несложные.

Я думала о том, что произойдет, если у меня не будет детей. Но я тоже думала, что если у меня не будет детей, то я могу взять приемного ребенка. Мысль об усыновлении возникла у меня, и теперь я думаю: у меня есть два сына, может быть, я удочерю девочку?

Приведенные примеры, конечно, не могут претендовать на полное и подробное освещение проблемы материнства в современном мире. Образованные представительницы среднего класса, которых я интервьюировала, очевидно, стремились описать свой индивидуальный опыт беременности и родов, по возможности избегая стереотипов и обходя «нормирующие» дискурсивные практики. Не исключено, что некоторые описания эмоциональных состояний и практик с точки зрения российской или постсоветской нормативности могут даже показаться шокирующими.

В то же время можно отметить несомненное присутствие схожих стратегий описания и представления своего опыта материнства в приведенных нарративах. Влияние глобального дискурса материнства в первую очередь проявляется в непременном употреблении таких понятий, как «больница», «врач» и «контроль», по отношению к которым каждая из информанток выстраивает свою (позитивно или негативно окрашенную) линию описания. Несмотря на некоторые упоминания локальных традиций,

которые могут быть интерпретированы в российском контексте как «экзотические», язык описания собственного опыта материнства чаще всего базируется на глобальном дискурсе просвещения. В качестве важного источника информации о состоянии беременности и родов практически всеми информантками упоминаются книги, в двух интервью с разных континентов (!!!) даже одна и та же книга.

Представляется, что приведенные выше интервью могут способствовать проблематизации наблюдающегося по мере усиления глобализации стремления к выделению и универсализации тех или иных характеристик «нормального материнства», следствием чего является дискурсивное подавление индивидуальных, конфессиональных и/или этнических особенностей, игнорирование уникальности каждой женщины-матери. В то же время глобальное сближение различных форм и способов представления «нормального материнства» оказывается столь очевидным, что речь может идти не столько о создании некой феминистской альтернативы вне глобального дискурса, сколько о влиянии на процесс глобального конструирования «нормального материнства».

¹ «При солнышке тепло – при матери добро», «Нет лучшего дружка, чем родная матушка», «Мать – кормилица, а кормилица – не мать»

² С. Gilligan, *In a different voice* (Cambridge, 1982).

³ Ходоров Н. «Психодинамика семьи», *Хрестоматия феминистских текстов* (СПб, 2000), с.141.

⁴ Евтушенко Е. «Мама», *Избранная лирика* (М.,1981), с. 207.

⁵ *Советский энциклопедический словарь* (1985), с. 131.

⁶ *Психологические проблемы материнства и детства: раннее выявление и профилактика* (Калининград, 2001), с. 15, 21.

⁷ Винникот Д. В. *Маленькие дети и их матери* (М., 1998), с. 7.

⁸ Щепанская Т. «Телесные табу и культурная изоляция», *Феминистская практика Восток–Запад* (СПб, 1996), с. 227–238.